

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 103(1460)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Леонида Ивашова «Всё ли у нас «под контролем»?», опубликованная в газете «Завтра», № 43, октябрь 2017 года.

Вологда
ноябрь 2017

Всё ли у нас «под контролем»?

США против России: угрозы реальные и мнимые

Отвечая на вопрос, заданный ему в рамках Валдайского клуба 19 октября, «представляет ли наращивание присутствия НАТО на границах угрозу России?», – Путин высказался весьма лапидарно: «Каждый шаг нам известен, понятен. Нас это не беспокоит. Пускай они тренируются. Всё под контролем». Президент, наверное, ответил так, как и положено отвечать президенту: мол, никаких оснований для паники нет. И если даже какие-то реальные угрозы для безопасности страны действия наших «партнёров» объективно всё-таки создают, президенту на публичном форуме говорить об этом не стоит. Соответствующие угрозам задачи он будет ставить уже перед силовыми структурами, прежде всего – перед Министерством обороны, на закрытых, непубличных совещаниях.

Что касается ситуации, складывающейся на наших западных границах, мы видим: главная причина активности США и их союзников – безусловно, не Крым и не Донбасс. Когда мы внимательно посмотрим, где же концентрируются военные усилия и проявляется военная активность, то сразу увидим, что они тяготеют к тем направлениям, по которым российские углеводороды экспортируются в Европу. Вот там под любыми предлогами создаются военные базы, нагнетается напряжённость – с тем, чтобы газовые и нефтяные потоки не шли с Востока на Запад через территорию нашей страны. Почему так делается? А потому, что американцы активно строят в Европе терминалы для приёма своего сжиженного газа, а далее, возможно, и нефти. Сегодня они берут европейцев за горло, чтобы те покупали именно американский газ, который будет дороже российского, по крайней мере, в полтора раза. Подоплёка – в этом.

Поэтому когда Путин говорит, что «всё под контролем», он, скорее всего, имеет в виду и эту подоплёку, и настроения европейцев относительно подобной энергетической, финансовой и политической перспективы. Наверное, у Кремля есть и соответствующие планы ответных действий, которые уже реализуются с целью вместе с европейцами противостоять подобной «ги-

бридной агрессии» со стороны США. То есть «кощеева игла» – это американские экономические интересы, проблемы выживаемости американской экономики, а наша страна здесь выступает не как главный военный противник Соединённых Штатов, а как их конкурент на европейском рынке углеводородных энергоносителей.

Однако определённый диссонанс всё-таки существует. С одной стороны, Путин прямо сказал: «Нас это не беспокоит». А с другой стороны, Минобороны РФ на днях выразило чрезвычайно серьёзные опасения по поводу того, что Пентагон приступил к созданию стратегической системы для нанесения мгновенного глобального удара. Что это за система, и как мы должны на неё реагировать: по-путински («не беспокоит») или по-минобороновски (с опасениями)?

Первыми заговорили об изменении военной стратегии США именно мы – общественники из Академии геополитических проблем. В Министерстве обороны долгое время предпочитали не обращать на нас внимания – был такой период. Хотя уже в 2000 году американцы провели серьёзный стратегический анализ, так называемый «ядерный обзор», к созданию которого были привлечены и учёные, и военные, и представители бизнеса, связанного с данной проблематикой. Затем на основании этого обзора в 2001 году шло бурное закрытое обсуждение: что делать с ядерным оружием, какова его роль, какова стоимость содержания? И участники дискуссии пришли к выводу, что ядерное оружие нужно сохранить, но развивать его не нужно, оно не работает на поле боя и не приносит американцам никакой прибыли. Далее последовало кардинальное изменение военной стратегии США. Было решено заморозить развитие стратегических ядерных сил (СЯС) и запустить программу стратегической противоракетной обороны (ПРО). Главным элементом военной стратегии США стала концепция мгновенного глобального удара. 18 января 2003 года 43-й президент США Джордж Буш-младший подписал соответствующую директиву. По этому поводу мы начали стучаться в наше Министерство обороны, пытаясь донести до его руковод-

ства мысль о том, что у вероятного противника происходят кардинальные изменения военной доктрины, что главная угроза сегодня – не стратегическое ядерное оружие США, а средства нанесения неядерного глобального удара – тысячи высокоточных ракет, прежде всего крылатых, которые будут способны в течение 40-60 минут вывести из строя все наши ракетные комплексы: шахтного, подводного, авиационного и даже мобильного базирования, тем самым, по сути, обезоружить Россию, лишив её возможности нанести ответный удар. Тем более что для нейтрализации такого удара развёртывается глобальная система ПРО. Такой была концепция новой военной стратегии США, которая последовательно реализуется с 2003 года. В 2003 году президенты США и России подписали соглашение о взаимном уменьшении ядерных арсеналов. 12 декабря того же года американская сторона уведомила, что выходит из договора по противоракетной обороне, начиная создавать глобальную систему ПРО, и официально объявила о концепции быстрого глобального удара.

Сегодня в принципиальном отношении здесь ничего не изменилось – может быть, за исключением того, что к элементам быстрого глобального удара добавилось кибероружие и БПЛА. То есть одновременно с высокоточными ракетами скоординированный удар по нашей стране будут наносить десятки тысяч беспилотников, которые способны парализовать работу гражданских и военных объектов на удалении до тысячи километров от границы, а также активация компьютерных программ-«закладок», «взрывающих» наши системы связи по всей стране.

Но это – уже дополнение, а главным компонентом быстрого глобального удара продолжают оставаться ракеты, 32 тысячи высокоточных крылатых ракет. Причём это ракеты стратегической дальности – не менее 6 тысяч километров, высокой точности и скорости до 5 махов. Против такой ударной силы надёжной защиты сегодня нет нигде, включая Россию.

Безусловно, всё это не может нас не беспокоить, мы не можем делать вид, что подобного рода угрозы не существует. Именно с учётом концепции быстрого глобального удара США в новой редакции военной доктрины России нако-

нец-то была изменена формулировка о гарантиях нашей безопасности. Если в предыдущих ее вариантах значилось, что гарантией нашей безопасности является стратегическое ядерное оружие, – значит, всё остальное не так важно и его можно уничтожить, чем, например, и занимался приснопамятный на посту министра обороны господин Сердюков. Но теперь неядерный фактор сдерживания официально признан. И то, что наши «Калибры» летают, что наши корабли уже заходят в далёкие моря, что получила поддержку программа развития военной авиации, включая БПЛА и средства ПВО против них, – всё это как раз и есть неядерный фактор сдерживания.

Но данная проблема пока только в начальной стадии разрешения. Наша армия сейчас хорошо готовится к отражению и даже предупреждению первого удара, особенно быстрого глобального удара. Армия – да, но страна к этому не готовится. У нас нет мобилизационного ресурса. Если завтра первый эшелон армии – тот, что сегодня в строю, – вступает в сражение, его задача: сдерживать удары противника и дать возможность от мобилизоваться и экономике, и резерву, второму эшелону. Нужно время для переориентации гражданских предприятий и для того, чтобы действующие оборонно-промышленные предприятия переходили на ускоренный выпуск современной военной техники. Но этого мобилизационного ресурса, мобилизационных планов сегодня у нас практически нет. Правительство этим занимается, можно сказать спустя рукава, да и законодательство относительно военного положения откровенно хромает. Наша армия, несомненно, отразит любой первый удар, но что, если за ним последует и второй и третий, если война приобретёт затяжной характер? Будем надеяться на авось? Я не уверен, что наше правительство сможет что-то нарастить. Мы даже с простейшим импортозамещением уткнулись в стенку и ничего существеннее сыра самостоятельно сделать не можем. Нет кадров, нет технологического оборудования, нет ресурсных резервов для усиления производства. А на то, чтобы выдерживать длительный удар противника, у нас вообще мало шансов.

На Валдайском клубе Путин много нового рассказал о соглашении ВОУ-НОУ, и рассказал,

надо отдать ему должное, очень эмоционально, с понятным возмущением и по делу: «США получили доступ на все совершенно секретные объекты РФ». Также президент РФ сообщил, что в кабинетах американцев на самых секретных российских комбинатах стояли звёздно-полосатые флаги. Но тут вопрос в том, что это соглашение, рассчитанное на 20 лет, действовало не только при Ельцине, начиная с 1993 года, – оно и при Путине работало, вплоть до 2013 года, то есть весь запланированный срок. Хотя многие общественники, учёные, депутаты Госдумы всё время обращались к правительству и президенту с разного рода доказательствами того, что ВОУ-НОУ противоречит интересам национальной безопасности, подрывает наш суверенитет и нашу обороноспособность. Эта сделка в итоге очень дорого обошлась России – и не только в военном отношении. В 1993 году Ельцин сторговался с Биллом Клинтоном по вопросу разгона и расстрела парламента, Верховного Совета России. Есть свидетельства, что он тогда позвонил американскому президенту и спросил: «Билл, ты меня поддержишь: я хочу распустить парламент?». Тот ему ответил: «Нет, Конгресс не поддержит, это не демократично». А потом – ответный звонок Клинтона: «Я разговаривал с влиятельными членами Конгресса, и если ты какой-то шаг сделаешь навстречу нашим отношениям, то мы тебя поддержим». И затем разъяснил: «Вот если ты обогащённый уран, который сегодня есть у вас, который стоит на боеголовках, хотя бы половину или треть его передал (естественно, за плату) США – я бы мог продать тебе поддержку». И Ельцин ответил: «Забирай весь!».

В результате мы 500 тонн обогащённого урана за мизерную сумму согласились продать аме-

риканцам. Причём не просто продать высокообогащённый уран. Они не могут его доводить до уровня низкообогащённого для работы на своих атомных станциях. Так что мы ещё и сами его перерабатывали до состояния низкообогащённого, до ядерного топлива, а затем передавали Штатам. Из-за этой сделки мы сегодня лишились огромного запаса оружейного урана для наших боеголовок и в качества топлива для наших атомных станций. Сегодня Россия активно выходит на мировой рынок атомной энергетики и строит АЭС. Но ядерное топливо на них мы поставлять уже не можем – у нас его попросту нет в нужных объёмах. А американцы на дармовом, по сути, российском уране 20 лет получали энергию, экономя и деньги, и нефть, и свои месторождения. Несмотря на то, что Соглашение ВОУ-НОУ прекратило действовать в 2013 году, его негативные последствия ещё долго будут ощущаться и нашей экономикой, и нашей страной в целом.

Можно ли теперь сказать о том, что осознание реальных обстоятельств пришло, наконец, в головы нашего руководства, и теперь Россия развернёт вектор своей ядерной активности на 180 градусов? Нет, так сказать нельзя. Что-то позитивное на этом поле происходит, какие-то сдвиги начались, но мы ведь продолжаем кормить своим ураном даже прямых конкурентов на мировом рынке, типа «Тошиба–Вестингауз». А потом ещё удивляемся, почему это западные «партнёры» нас считают не друзьями, а, мягко говоря, недотёпами, которых можно безнаказанно унижать и грабить, да и убить, при случае, – не грех...

Леонид ИВАШОВ